

RU

Социально-речевой портрет татарского купечества конца XIX - начала XX в.

Мирхаев Р. Ф.

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению структуры социальной дифференциации татарского языка конца XIX - начала XX века, а именно стратификационно-ситуативных параметров социально-речевого портрета татарского купечества. Цель исследования - определение соотношения видов социальной вариативности татарского языка в коммуникативной деятельности данной корпоративной группы. Научная новизна работы заключается в том, что структура социальной дифференциации татарского языка до этого еще не становилась объектом научных изысканий ученых. В результате было выявлено, что коммуникативные потребности представителей татарского купечества в зависимости от ситуативных факторов обслуживались всеми функциональными стратами татарского языка при превалировании общенародно-разговорной.

EN

Social and Speech Portrait of the Tatar Merchant Class in the Late XIX - Early XX Century

Mirkhayev R. F.

Abstract. The paper studies the structure of social differentiation of the Tatar language in the late XIX - early XX century, namely the stratification and situational parameters of the social and speech portrait of the Tatar merchant class. The purpose of the research is to determine the ratio between the types of social variability of the Tatar language in the communicative activities of the specified corporate group. Scientific novelty of the paper lies in the fact that the structure of social differentiation of the Tatar language has not yet become an object of scientific research. As a result, it has been found that communicative needs of representatives of the Tatar merchant class were served by all functional strata of the Tatar language with the predominance of the vernacular, depending on situational factors.

Введение

Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью исследования структуры социальной дифференциации татарского языка в определенные этапы его развития. Выбор указанного периода (конец XIX - начало XX в.) объясняется тем фактом, что этот хронологический отрезок в истории татарского народа характеризуется как эпоха реформаторства, которая в корне изменила его социальную структуру, и как время наивысшего развития татарского языка в структурном и функциональном планах. Учеными уже давно установлена обусловленность языковых изменений общественными факторами, и в свете вышесказанного исследование социально-речевого портрета одной из влиятельных корпоративных групп татарского общества конца XIX - начала XX в. - татарского купечества - позволило бы выявить детерминирующие связи между социальными переменами и сдвигами в функциональной парадигме татарского языка в указанный период.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, изучить соотношение социально-речевого портрета татарского купечества конца XIX - начала XX в. с функциональными стратами татарского языка; во-вторых, установить и охарактеризовать его ситуативные параметры.

В качестве методов исследования были применены метод социолингвистической реконструкции и метод социолингвистической интерпретации.

Теоретической базой исследования послужили труды Л. П. Крысина (2001), Б. А. Ларина (1928а; 1928b), Т. М. Николаевой (1991), А. Д. Швейцера (1982), посвященные вопросам моделирования социально-речевых портретов различных групп населения и проблемам исследования соотношения стратификационной и ситуативной вариативности языка, степени участия различных языковых идиомов в их структуре. Также были

привлечены работы В. В. Виноградова (1980), В. И. Карасика (2002), Ю. Н. Караулова (1987), Т. П. Млечко (2014), в которых раскрывается методика описания языковой личности как типового представителя того или иного социального коллектива и определения исследовательских подходов к ее изучению.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях, направленных на изучение структуры социальной дифференциации татарского языка и других языков, как в синхронии, так и в диахронии. Кроме этого, они могут быть внедрены в образовательный процесс на филологических факультетах высших учебных заведений.

Основная часть

Социально-речевой портрет татарского купечества конца XIX – начала XX века и функциональные страты татарского языка. Как показывает анализ эмпирического материала, основу социально-речевого портрета татарских купцов составлял общенародно-разговорный идиом, на который накладывался социолект, сложившийся в рамках деятельности данной корпоративной группы. Это объясняется прежде всего влиянием сопутствующей профессиональной деятельности указанных лиц факторов прагматического характера, в частности их заинтересованность в получении прибыли, одним из основных средств достижения которой выступает общедоступное и понятное всем участникам деловой коммуникации средство общения.

В плане соответствия прагматическим интересам татарских коммерсантов в деловой сфере литературная страта татарского языка рассматриваемого периода опускалась из-за своей витиеватости и сложности, а также насыщенности непонятными иноязычными заимствованиями, а именно словами, формами, конструкциями арабского и персидского языков.

Региональный (диалектный) код в силу определенных установок психологического и социального характера, таких как пренебрежительное отношение представителей одной этнографической группы к другим и восприятие диалектов как коммуникативных средств более низкого ранга, что, в свою очередь, мешало достижению желаемого результата, также отклонялся. В свое время по этому поводу историк и этнограф, действительный член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете Г. Н. Ахмаров (1903) (1864-1911 гг.) в работе, посвященной изучению татарского языка и происхождения носителей его западного диалекта, так называемых мишарей, написал следующее: «Сочетание гортанных *з*, *к* с твердыми гласными, перемена мягкого гласного *ä* на *a*, частое опущение полугласного *й* в языке мишарей дают повод казанским татарам отзываться о мишарях, что они говорят жестким и грубым языком. <...> Мишари смеются над говором татар, особенно над их горловыми звуками, говоря, что: “Татарның бабасы пәйгамбәрнең сухарыйон урлаб ашаган үзе таарат алыб жорганда, тамагына шул өтөрб калган”. (Предок татар съел сухари, похитив их у пророка, когда он был занят омовением, и они (сухари) пристали к его горлу)» (с. 99).

Однако описанное выше явление все же полностью не исключало включенности в сферу внутрigrуппового общения представителей деловых кругов и носителей региональных разновидностей татарского языка, а также его литературной формы и просторечия, что было обусловлено факторами ситуативного характера. Об этом свидетельствует зафиксированный известным татарским писателем-просветителем Ф. Карими (Кәрим, 1908) в своих путевых заметках «Кырым сәяхәте» («Путешествие в Крым») (1904) случай, который произошел в поезде между писателем, его попутчиком и сыном торговца – носителем западного диалекта татарского языка, принявшем их за своих коллег по цеху. О том, что юноша обратился к ним на региональном коде, свидетельствует ремарка автора *ğajät qaty mišär šiväsijlä tatarca* (с. 12) / ‘на очень ярко выраженном мишарском наречии по-татарски’.

Ситуативные параметры социально-речевого портрета татарского купечества конца XIX – начала XX века. Как языковой коллектив корпоративная группа татарских купцов раскрывается в основном в рамках социальных контактов из сфер хозяйственной деятельности и быта. С первыми соотносятся речевые акты между самими купцами, а также между ними и их наемными работниками, в частности приказчиками и конторщиками. Здесь в качестве релевантных ситуаций выделяются такие, как «обсуждение дел с коллегами по цеху» и «инструктирование наемных работников», которые и будут рассмотрены в рамках настоящей работы.

Как известно, деловые коммуникации требуют соблюдения обязательных для этой сферы поведенческих и речевых норм. Однако анализ эмпирического материала показывает, что в среде татарских коммерсантов конца XIX – начала XX в. требования профессионального этикета не имели какого-либо существенного значения. Практика ведения ими своих дел, которая складывалась на протяжении многих веков, во многом носила неофициальный характер и в большей части основывалась на взаимном доверии. Это, в свою очередь, накладывало отпечаток и на стиль их общения между собой. Как показывает анализ эмпирического материала, ситуации «обсуждения дел с коллегами по цеху» в основном отличались своей непринужденностью, что отражалось на структуре связанных с хозяйственной сферой речевых актов, которые осуществлялись внутри рассматриваемой корпоративной группы. В большинстве случаев они строились на основе общенародно-разговорного кода. Этим и объясняется доминирование в речи купцов оборотов и конструкций, характерных для указанного идиома татарского языка. Рассмотрим примеры.

(1) *Насып булса, Мәкарҗәгә тизме чыгарга нийәт кыластың? Эшләрең ничек? Бу йыл Мәкарҗәне әйләндерлек чамаң бармы? Миннән сереңне йәшермә, сөйлә!* (Мөхәммәдев, 1958, с. 80). / ‘Если удастся, ты скоро считаешь поехать на Макарьевскую ярмарку? Как у тебя дела? В этом году есть возможность про-вернуть дела на Макарьевской ярмарке? Не утаивай от меня своих секретов, рассказывай!’ (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Р. М.).

В частности, в примере (1) зарегистрированы выражения, семантическую и грамматическую основу которых составляют реализуемые в рамках разговорного дискурса значения и отношения, а именно значение кондационалиса объективного характера, т.е. не зависящее от воли субъекта речи (*насып булса* 'если удастся'); смещение логического ударения, сопряженное с перемещением вопросительной частицы (*тизме чыгарга нийәт кыласың* 'скоро рассчитываешь поехать'); процессуальный признак субъекта речи, осложненный значением возможности совершения действия (*эйләндерерлек чамаң бармы* 'есть возможность повернуть (дела)'); значение требования совершения определенных действий, выраженное нулевыми формами императива и смягченное в определенной степени семантикой слова *сер* 'секретная информация, сведения, новости, которые нельзя разглашать другим лицам' в форме принадлежности второго лица единственного числа (*серәңне йәшермә, сөйлә* 'не утаивай от меня своих секретов, рассказывай').

(2) *Мин йүри шуның өчен киңәшкә килдем* (Мөхәммәдев, 1958, с. 80). / 'Я специально для этого пришел, посоветоваться'.

Все вышеназванные элементы с самого начала задают беседе непринужденно-доверительный тон, который далее усиливается в примере (2) лексемой *йүри* 'умышленно; нарочито, нарочно', употребленной в значении 'специально', и сокращенной формой конструкции *киңәш итешергә килү* 'прийти посоветоваться' *киңәшкә килү*.

(3) *Әгәр дә сумың сиксән тийенгә калган булса, йукка газаланып сумга сум түлимен дийеп кыйналма. Барыбер бу йыл түләсәң дә, алдагы йылга сумың илле тиенгә калыр. Бирәчәгеңне бирүдән котыла алмасың, нә үзәң бер тийенлек әжәре калмас* (Мөхәммәдев, 1958, с. 81). / 'Если от твоего рубля осталось восемьдесят копеек, не мучайся напрасно и не изводи себя, стараясь заплатить рубль за рубль. Все равно, если и заплатишь в этом году, на следующий год от твоего рубля останется пятьдесят копеек. Ты не спасешься от возврата своего долга, к тому же и себе не останется ни копейки выгоды'.

Как видно из примера (3), данный стиль общения поддерживается и в дальнейшем, о чем свидетельствует употребление субъектом коммуникации словосочетания *йукка газалану* 'мучаться напрасно', отрицательной формы глагола *кыйналу* 'изводить себя', утверждений *бирәчәгеңне бирүдән котыла алмасың* 'не спасешься от возврата своего долга' и *бер тийенлек әжәре калмас* 'не останется ни копейки выгоды', в семантику которых изначально закладываются смысловые коннотации этической направленности, предопределяющие их употребление именно в дружеской обстановке. В аксиологическом плане данные словоформы и выражения раскрывают также утилитарно-прагматический характер морального облика татарских купцов, который заключается в таких установках, как «что бы ни случилось, не поддавайся угрызениям совести» и «всегда думай о своей выгоде».

(4) *Эшләр жайсызрак күренә шул, хаҗи әфәнде! Сәүдәләр начар: бу йыл чамасы эшнә әйләндереп булмас* (Мөхәммәдев, 1958, с. 80). / 'Дела на самом деле, кажется, не очень хорошо идут, хаджи эфенди! Торговля идет плохо: в этом году, наверно, не сумею повернуть дело'.

Заданный первым субъектом коммуникации непринужденно-доверительный тон поддерживается его собеседником, как мы видим в примере (4), посредством разговорной конструкции *жайсызрак күренә* 'кажется, не очень', употребление которой в деловой сфере не оправдывает себя из-за заложенной в семантику ее первого компонента, а именно словоформы *жайсызрак*, коннотации неоднозначности, а также характерной для разговорной речи утвердительной частицы *шул* 'на самом деле', которая обычно следует за глагольными формами, в разбираемом случае – за глаголом в форме настоящего времени индикатива на *-а (-ый)*.

(5) *Бу йазганча, һәркайсына утыз, кырык тийеннән бирә башласаң, үзәңдә әжәре күп калмас шул. <...> Күпме бурычың бар, күпме кулыңда сума калган, хисаплап караганыгың бармы? Бу кәгазьдә йазганча түләсәң, үз йагыңа азрак файда калыр кебекме?* (Мөхәммәдев, 1958, с. 81). / 'Если, как здесь написано, будешь давать каждому по тридцать, сорок копеек, себе немного прибыли останется ведь. <...> Сколько у тебя долгов имеется, сколько капитала у тебя в руках осталось, пробовал подсчитать? Если заплатишь, как написано в этой бумажке, похоже, что тебе останется немного прибыли?'.

Далее в примере (5) сопутствующая профессиональной деятельности коммерсантов утилитарно-прагматическая установка «всегда думай о своей выгоде» вербализуется в содержании таких обыденно-разговорных конструкций, как *үзәңдә әжәре калдыру* 'оставить себе прибыль (дословно *вознаграждение*)' и *үз йагыңа азрак файда калдыру* 'оставить себе немного прибыли (дословно *пользы*)'.

Образное выражение *тирә-йаныңны жыйыбрак калдыру* 'прибраться вокруг себя, прибраться все ближе к себе' характеризует татарских купцов как людей осторожных и предусмотрительных, придерживающихся установки «не подвергай себя опасности, береженого Аллах бережет». В качестве средств ее вербализации выступают и такие речевые бороты, как *дөһияның эшен белер хәл йук* 'мирские дела не угадаешь', *Алла сакласың* 'защити Аллах', *үлгәннән соң тәүбә йук* 'после смерти покаяния нет', *соңыннан үкенгәннең файдасы булмас* 'не будет пользы от раскаяния после', а утверждение *бөтенләй йалангач калырсың* 'совсем голый останешься' еще раз подчеркивает утилитарный характер ценностных ориентиров татарского торгового сообщества конца XIX – начала XX в.

(6) *Исемдә чагында шуны да әйтмәк: йәрминкә үткәнче андый-мондый хезмәтче-фәләңне ачу белән хисабын биреп чыгарып жиберә күрмә. Усаллык илә: «Байыбыз малың йәшерә, шартларга уйлы», – дийеп, бөтен шәһәрне сасытырлар. Андайын хәлләр үз башымнан узды* (Мөхәммәдев, 1958, с. 83). / 'Пока не забыл, скажу вот еще что: до окончания дела не вздумай со злости расчитать и уволить кого-нибудь из прислуги. Злобными словами «Наш бай прячет все имущество, планирует взорваться» наполнится весь город. Я такое уже пережил (= дословно *прошли через мою голову*)'.

Заданный в начале беседы деловой коммуникации непринужденно-дружеский тон в большинстве случаев обуславливает его завершение на той же волне посредством товарищеских советов. Все это также предопределяет

включение в языковую ткань акта деловой коммуникации таких лексических единиц и конструкций из разговорной страты, которые представлены в примере (6): *андый-мондый* 'какой-нибудь', *хезмәтче-фәләнеңне* 'кого-нибудь из прислуги', *ачу белән* 'со злости', *хисабын биреп* 'рассчитав', *чыгарып жиберә күрмә* 'не вздумай уволить', а употребление конструкции *үз башымнан узды* 'прошли через мою голову' как бы еще раз свидетельствует об искренности намерений в отношении компаньона.

Реализуемые в среде татарских коммерсантов речевые акты из сферы ситуации «инструктирование наемных работников», как и предыдущие, в основном опираются на ресурсы разговорных идиомов, что также в целом детерминировано утилитарно-прагматическими установками делового мира. Однако в отличие от ситуации «обсуждение дел с коллегами по цеху» тон разговору здесь задается авторитарным стилем.

(7) *Әхмәдинең сәламен дә алмастан, Галиәкбәр агай ошбу рәвешчә сүзгә башлады...* (Мөхәммәдев, 1958, с. 42). / 'Не ответив даже на приветствие Ахмадия, Галиакбер агай начал говорить следующее...'

Данный стиль находит свое отражение в высокомерно-презрительном отношении хозяина к своему служащему, свидетельством которого является игнорирование первым приветствия второго (7).

(8) *Бүген өйләдән соң нимис духтырының кешесе кәжә тиресен карамакчы булды, йаңа кеше икән, ачык авызрак күрәнә, һәм нәрсәне дә бик таный торган кешегә охшамый* (Мөхәммәдев, 1958, с. 42). / 'Сегодня после обеда помощник немецкого доктора хотел посмотреть козью шкуру. Он, видно, новый человек и ротозей. Он не похож на человека, разбирающегося в хороших вещах'.

Ориентированность речевых актов между хозяином и служащим на общенародно-разговорный код проявляется, как показано в примере (8), прежде всего в фонетической трансформации иностранных заимствований, в частности европейских и русских лексем, на разговорный лад (*нимис духтыры* 'немецкий доктор'), в употреблении разговорных образных выражений (*ачык авыз* 'ротозей'), а также в осложнении семантики отдельных лексем из разговорного языка положительными коннотациями (*нәрсә* 'вещь > хорошая вещь').

(9) *Ул килгәнче шул беренче хлебный кәжә тиресенә йәнә ике йөз башлап көйдә ашаган брак кәжә тиресенән кушып, аралаштырып куй, бернәрсә дә булмас...* (Мөхәммәдев, 1958, с. 42). / 'Пока он не пришел, на эту первосортную козью шкуру добавь двести штук из съеденной молью бракованной козьей шкуры, перемешай их, ничего не случится...'

В примере (9) свой высокий статус хозяин раскрывает посредством использования им перед своим подчиненным таких профессионализмов, как *беренче хлебный кәжә тиресе* 'первосортная козья шкура' и *брак кәжә тиресе* 'бракованная козья шкура', основу которых составляют заимствования из русского языка. Татарские купцы в основной своей массе представляли одноязычную корпоративную группу и присутствие в их речи европейской и русской лексики было обусловлено прежде всего именно утилитарно-прагматическими соображениями, в частности желанием демонстрации перед подчиненными своего превосходства и исключительности. Их усилению служит также использование глагола в нулевой форме императива, основным значением которого является требование совершить какое-либо действие.

В целом анализ эмпирического материала показал, что татарские купцы конца XIX – начала XX в. в своей профессиональной деятельности под влиянием утилитарно-прагматических установок в основном пользовались общенародно-разговорной формой татарского языка, а также социолектом, который был распространен в их среде.

Заклучение

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Тот взрыв в функциональном и структурном развитии татарского языка, который имел место в конце XIX – начале XX в., стал возможным именно благодаря социальному запросу. Изменения, которые происходили в татарском обществе в указанный период, породили в нем потребность в доступном и понятном всем слоям народа коммуникативном средстве. В этом качестве выступил общенародно-разговорный язык, который в дальнейшем лег в основу высшей функциональной страты современного татарского языка – его литературного идиома. Это подтверждается и результатами настоящего исследования. Представители одной из влиятельных корпоративных групп татарского общества конца XIX – начала XX в. – купечества – в рамках сопутствующих их профессиональной деятельности ситуаций в основном придерживались общенародно-разговорного кода, хотя в зависимости от ситуативных факторов могли переключиться и на другие коды, что характеризует их как полигlossный языковой коллектив. Несмотря на то, что в трудах по истории татарского языка связи между лингвистическими и экстралингвистическими процессами учеными отмечались и ранее, исследование их соотношения на уровне речевой деятельности определенного сообщества проводится впервые, в чем и заключается научная новизна настоящей работы.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении структуры социальной дифференциации татарского языка в различных синхронных срезах, что позволит выявить степень детерминированности функциональных сдвигов в эволюции татарского языка социальными факторами.

Источники | References

1. Ахмаров Г. Н. О языке и народности мишарей // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1903. Т. XIX. Вып. 2.
2. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.

3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
5. Кәрим Ф. Кырым сәяхәте. Оренбург: Типогр. М.-Ф. Каримова, 1908.
6. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
7. Ларин Б. А. К лингвистической характеристике города. Несколько предпосылок // Известия Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. 1928а. Вып. 1.
8. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. Л., 1928b. Вып. 3 / под ред. Л. В. Щербы.
9. Млечко Т. П. Дифференциация подходов к изучению типологических разновидностей языковой личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2014. № 1.
10. Мөхәмәдөв Ш. Сайланма әсәрләр / төзүчесе: филология фәннәре кандидаты М. Гайнуллин. Казан: Таткнигоиздат, 1958.
11. Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: доклады Всесоюзной научной конференции: в 2-х ч. М.: ИРЯЗ, 1991. Ч. 2.
12. Швейцер А. Д. К проблеме социальной дифференциации языка // Вопросы языкознания. 1982. № 5.

Информация об авторах | Author information

Мирхаев Рифат Фирдинатович¹, к. филол. н., доц.
¹ Академия наук Республики Татарстан, г. Казань

Mirkhayev Rifat Firdinatovich¹, PhD
¹ Tatarstan Academy of Sciences, Kazan

¹ mirhaev77@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.02.2022; опубликовано (published): 31.03.2022.

Ключевые слова (keywords): социальная дифференциация языка; виды социальной вариативности языка; социально-речевой портрет; языковая страта; речевая ситуация; social differentiation of language; types of social variability of language; social and speech portrait; language stratum; speech situation.